

ЕСТЬ волнующий момент перед началом каждого спектакля: разноразной настроенных инструментов в оркестровой яме вдруг умолкает, и на дирижерском помосте вырастает строгая фигура человека в неизменно безупречном черном фраке и с бабочкой на груди. Это появление магнетически действует не только на оркестрантов, но и на зрителей — разговоры, скрип стульев, шелест бумаги гаснут моментально, и люди начинают рукоплескать, точно загипнотизированные.

Да, дирижерская палочка обладает волшебным действием, она властвует надо всем сущим в театре, рея и трепещая в полупрозрачных пальцах Главного музыканта. И оттого, насколько властно и одушевленно будет это парение, зависит звучание оркестра, ход спектакля, настроение зрителя...

МНОГО лет возникала строгая фигура Наримана Сабитова за дирижерским пультом. Много лет по взмаху его палочки начиналась увертюра очередной оперы или очередного балета. И, когда раздвигался занавес, взоры исполнителей на сцене тоже были прикованы к этой гипнотической палочке. Темпераментный и страстный, Сабитов тем не менее никогда не позволял себе переходить границы положенного, предаваться произволу чувств. Он дирижировал сдержанно и четко, но в самой этой сдержанности неукротимо жгучим внутренним огнем. Вся осанка дирижера, его непокорная гривастая голова, золотые тонкие очки, эмоциональное лицо и гибкие стремительные руки выдавали в нем этого Главного музыканта.

Да, о Наримане Сабитове приходится говорить в прошедшем времени, и это тем более противоестественно, что вряд ли был еще в нашем национальном искусстве более жизнелюбивый и жизне-радостный человек. Неизменно одухотворенное, с лукавинкой, лицо, смешливые пронзительные глаза, подвижные губы, в любой момент готовые исторгнуть рулады здорового хохота, — таким запомнился нам Нариман Гилязевич Сабитов. Он любил шутки, смех, и будучи человеком веселого нрава, сам любил веселых и открытых

людей; он любил все живое, незаурядное, остроумное, моментально зажигался любой интересной идеей, тут же осмысливая ее по-своему, и в том проявлялась его огневая вечно юная натура.

Сабитов был наделен редким качеством: при всей своей страстности, подвижности и способности увлекаться, он умел поразительно много и серьезно работать. За роялем он преображался, становился тружеником, чернорабочим музыки, но в работе его сквозило неукротимое и счастливое вдохновение.

Писатель Анвер Бикчентаев, написавший книгу о Наримане Сабитове, признается: «Я редко встречал более упорного человека. А о трудолюбии молодого композитора мне как-то рассказала его соседка по московской квартире, где он жил в первые годы учебы в консерватории:

— Он так увлекался своей работой, что забывал о еде, отдыхе. Мне не раз приходилось оказывать ему помощь, когда он падал в обморок за роялем от утомления...»

Об исключительной трудоспособности композитора говорят созданные им произведения: песни, романсы, симфонические вещи, балетные спектакли...

КЖАНРУ балета композитор питал особое влечение. Впервые в сотрудничестве с Хусайном Файзулловичем Ахметовым он написал балет «Горный орел», посвященный Салавату Юлаеву. Он трудился горячо и самозабвенно, припадая к вечно свежему роднику народной музыки и извлекая музыку из тайников своего творческого воображения.

Балет «Горный орел» имел успех.

С тех пор Н. Сабитов написал пять балетов. Из них два — детских. «Буратино» и «Мурзилка-космонавт» заняли почетное место в репертуаре Башкирского театра оперы и балета. Они привлекают к себе не только детей, но и взрослых.

Заслуженная артистка РСФСР Майя Тагирова признавалась, что, наряду с такими классическими партиями, как Жизель, Одетта-Одиллия, Китри, Лауренсия, к ее любимым относятся партии Гюльназиры в балете Наримана Сабитова «Гюльназира». И это признание не было просто признательностью первой

исполнительницы своей героине и ее создателю. Балет «Гюльназира» наиболее гармоничное и совершенное создание композитора. Многоплановая и выразительная музыка в нем нашла колоритное выражение в хореографии талантливого балетмейстера С. Дречина. Образ лю-

компонатора. В них немало спорного, субъективного, может быть, противоречивого. Но в каждом из них присутствует неумный и напряженный поиск, потребность новизны.

Вообще говоря, в музыке Сабитова следует выделить именно эту сторону — постоянную жажду нового, неиз-

ТАКИМ ОН НАМ ЗАПОМНИЛСЯ

блещей и отважной Гюльназиры, смело бросившей вызов старому темному миру, поистине является украшением спектакля. В нем соединились многогранные стороны богатой женской природы: нежность, преданность, устремленность. И нет сомнения в том, что исполнение партии главной героини балета доставляет настоящее удовольствие.

Можно много и пространно говорить о каждом балете

данного. Композитор не мог жить канонами, он хотел идти по непроторенному пути, находить свое сочетание гамм и музыкальных красок, выражать свое мироощущение. А мироощущение это было далеко не простым. Он вбирал мир глубоко и многосложно. Мир не был для него синхронным воплощением сплошной красоты и гармонии; композитор живо чувствовал внутреннее его закономерности, трудности развития, накал борьбы. И ему хотелось пере-

дать все это не менее сложными средствами, какими была неумолчно жизнь о берег его души. Отсюда — поиски средств особого свойства, встречающаяся дисгармония письма, использование второстепенных инструментов в качестве ведущих.

Но при всем том Н. Сабитов всегда оставался лириком в естестве своего творчества. Ярче всего проявилось это в Первом концерте для скрипки с оркестром, блестяще исполняемом лауреатом нескольких международных конкурсов Ниной Бейлиной.

Дальнейшее развитие симфоническая фантазия композитора получила в Третьем концерте для скрипки с оркестром, получившем высокую оценку у специалистов.

ЛИРИКОМ предстает он и в своих песнях, романсах.

Некоторые люди думали, что композитор неважно знал народные песни, исходя из того, что он почти не писал «по подобию» народных мелодий. Но это неверно. Наряду с лучшим классическим наследием русских и зарубежных композиторов Н. Сабитов пылко изучал и песенное наследие башкирского и татарского народов. Он стремился проникнуть в основные мелодические законы народного творчества, уяснить историю их создания. Немало народных песен обработано им для профессионального исполнения. Но у него был такой принцип, чтобы ни классика, ни фольклор не довели над творчеством. Наша действительность сама дает для композиторов так много, так щедро, что всякий уважающий себя художник должен черпать из этого особое вдохновение для творчества.

Скажем прямо, в вокальных произведениях Н. Сабитова не все равноценно. Но то, что по-настоящему талантливо и интересно, хранит печать ярко выраженной индивидуальности автора.

ТЕАТР для Наримана Гилязевича был вторым домом. Каждый день с утра неторопливой походкой направлялся он сюда, то и дело останавливаясь, чтобы переговорить или обменяться репликой с многочисленными знакомыми и друзьями. Он любил солнце. В ясный день в его пронзительных глазах ослепительно кувыркались солнечные зайчики. Он был прост, дружил с людьми самых разных профессий и особое уважение питал к рабочему классу. И в том нет ничего уди-

вительного: ведь он сам отправился на учебу в Московскую государственную консерваторию прямо от рабочего станка. Это было в нелегком 1944 году. Позднее композитор признавался, что самыми трудными для него были именно первые годы учебы в консерватории — вчерашнему рабочему ох, как непросто было постигнуть сложную музыкальную науку! И только наказ друзей по заводу, чувство огромной ответственности перед ними помогли ему преодолеть все трудности и выйти в число лучших студентов.

Надо было видеть, с каким молодым увлечением репетировал Н. Сабитов с учащимися профтехучилищ, готовившимися к какому-нибудь концерту. Кто знает, может быть, в этих ребятах видел он свою рабочую юность, свое вчера, и это придавало ему особенную энергию.

Тот, кто был в доме композитора, не мог не обратить внимания на его личную библиотеку, занимающую стены его кабинета до самого потолка. Художественная и политическая литература, стихи, и, конечно, огромный музыкальный фонд. Нет, библиотека эта не была мертвым грузом, она служила хозяйину верой и правдой. Нариман Гилязевич отличался широкой эрудицией и диапазоном знаний. Если бы он не выбрал профессию композитора, то непременно стал бы литератором, ибо по складу и характеру его в нем весьма явственно сказывалась литературная жилка.

Последние дни Наримана Гилязевича были наполнены большой и напряженной работой. Он сходил с дирижерского помоста буквально только ради того, чтобы немножко передохнуть и снова возникнуть перед зрителями с дирижерской волшебной палочкой. Он не знал усталости и умер как труженик, как художник, отдавший свое сердце любимому творчеству.

Осиротел дирижерский помост. Остались недописанные рукописи, незавершенные замыслы. Но то, что сделано за недолгую жизнь Нариманом Сабитовым, уже служит ему памятником.

Г. ШАФИКОВ,

НА СНИМКЕ: Н. Сабитов (снимок сделан в рабочей комнате композитора, публикуется впервые).

Фото В. СТРИЖЕВСКОГО.